

В. Л. Е. В. И. К.

М а с т е р с т в о п о э т а

Редко выпадает на долю переводчика такое счастье, чтобы его переводы вошли в отечественную поэзию как ее органическое, неотъемлемое явление. В большинстве случаев это удел лишь крупных поэтов. Но большие поэты настолько подчиняют переводимый оригинал своей индивидуальности, что иногда он приобретает чуждую физиономию, почти теряя природные черты. В гениальных «Горных вершинах» Лермонтова мы с трудом узнаем знаменитую песню Гете. Зато при сходстве индивидуальности поэта-переводчика с оригиналом, при внутреннем родстве обеих поэтических культур, рождаются такие шедевры русской поэзии, как «Замок Смальгольм» и многие другие переводы Жуковского, которые отличаются портретным сходством с оригиналом даже при неверной передаче некоторых деталей. Столь же счастливый образец свободного, чисто по-русски звучащего стиха, сохраняющего всю специфическую прелесть, все неподражаемое своеобразие английской поэзии, мы находим в небольшой книжке С. Маршака «Английские баллады и песни»¹.

Бэрнс, Вордсворт, Стивенсон, Киплинг, народные баллады и песни — таково содержание этой книжки. Мечтательная меланхолическая лирика Вордсворта, построенная на мягких полутонах и лишенная резких очертаний, поведимому несколько чужда Маршаку. В трех помещенных в книжке стихотворениях, которые, кстати сказать, принадлежат к шедеврам лирики Вордсворта, мы не чувствуем того живого дыхания, той конкретности и яркости поэтических переживаний, которой отличаются другие переводы Маршака. Но уже в переводах из Киплинга и Стивенсона мы находим ту песенную легкость, ту простоту, ту шаловливость и остроумную изобретательность, которые свойственны оригинальному творчеству самого Маршака. Если бы результат не был так хорош, мы могли бы, правда, упрекнуть автора в несколько пристрастном отборе стихов. Особенно Киплинг отобран и переведен под очень определенным, специфическим «маршаковским» углом зрения. Но переводчик, обладающий столь ярко выраженной поэтической индивидуальностью, иначе и не должен поступать, в противном случае ему придется сделать насилие над собой и

оригиналом. Ведь для того чтобы перевод дышал и жил, стихотворение должно быть не переведено, а воссоздано, второй раз творчески пережито. Оттого так хороши в переводе Маршака английские детские песни. Не знающий этих песен в оригинале, не хочет верить, что это перевод. Это — сам Маршак, обаятельный, веселый, остроумный, любимец детей и взрослых.

Средоточием книги, тем, что дает ей физиономию и как бы определяет выбор остальных авторов и стихотворений, являются 15 переводов из Бэрнса. Именно за Бэрнса русская поэтическая культура должна быть особенно признательна Маршаку. Шотландец Бэрнс — один из величайших песенников мира. Многие его песни положены на музыку и так же известны у него на родине, так же вошли в плоть и кровь английского народа, как песни Беранже во Франции.

А бытовая изобразительность и живописность этих песен заставляет вспомнить великих голландских живописцев XVII века. Пирушки и свадьбы, веселые потасовки между друзьями, размолвки и примирительные поцелуи влюбленных, сражения за родину, чопорная знать и простой народ, — с неподражаемой веселой иронией по отношению к королям и вельможам, с глубокой любовью и сочувствием к народу и его нуждам, — все это как в калейдоскопе проходит перед нами в безыскусственных и жизнерадостных стихах Бэрнса. Мы благодарны переводчику за то, что он сумел передать народность языка Бэрнса, не прибегая к специфическим квази-народным оборотам и словечкам, которыми так часто грешат переводчики народных песен. С блестящей легкостью передает Маршак меткую, непринужденную афористичность бэрнсовского стиха:

Вот этот хлыщ — природный лорд,
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд —
Бревно бревном останется.

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

¹ С. Маршак. «Английские баллады и песни». Изд. Советский писатель, 1941. 111 стр.

При всем при том
При всем при том
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Великолепное хладнокровие и жизнерадостное мужество, с которыми народ в борьбе за справедливое дело встречает смертельную опасность, и которые так прекрасно выражены в песне о мятежнике Макферсоне, Маршак умеет передать такими же простыми словами:

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча:
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

Прости, мой край! Весь мир прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть.

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселище он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

А как талантливо, с каким изяществом передана Маршаком лукавая и прелестная песенка Бэрнса о девчонке Дженни:

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымогла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь.
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь,

И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!

Только ограниченные рамки нашей рецензии не позволяют нам целиком выписать некоторые из народных баллад, и в первую очередь балладу «Мельник», отрывок из которой переведен Пушкиным (в «Сценах из рыцарских времен»). Впрочем, выбирать в этой книжке трудно, так как все стихи в ней прекрасны и, за редкими исключениями, прекрасны все переводы. А яркая индивидуальность переводчика придает всей книжке цельность и единство, несмотря на разнородность включенных в нее авторов.

Мы уверены, что «Английские баллады и песни» в переводах Маршака станут настольной книжкой советского читателя — в первую очередь, как выдающиеся произведения русской поэзии, а равно и как источник знакомства с прекрасной поэзией великого народа, населяющего британские острова, о котором так верно и так чудесно сказал тот же Бэрнс:

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины.
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень.

Н О Р А Г А Л Ь

Образы французских патриотов

Эмиль Золя — прямой и неподкупный свидетель истории Франции на протяжении нескольких десятилетий. Мужественным вмешательством в дело Дрейфуса он дал незабываемый пример того, как человек искусства должен отстаивать истину, бороться за свои убеждения: Золя старается не выступать вперед и предоставляет материалу сказать: «Я свидетельствую!» — но правда самого материала, то главное, что выхвачено из жизни рукой правдивого и честного художника, нередко нарушает внешнюю бесстрастность повествования, — и книга тогда говорит: «Я обвиняю!»

Повесть «Осада мельницы»¹ — не только свидетельство, но и обвинение. Казалось, ничто не могло нарушить спокойного достоинства деревенского мэра дядюшки Мерлье, владельца старой мельницы, ни глубокой и спокойной любви, связывающей юную Франсуазу с красавцем Домиником. Дядюшка Мерлье готовился выдать дочку за Доминика.

Но выходит иначе: накануне свадьбы в мирной долине появляются пруссаки.

Французский арьергард, отступающий

¹ Золя Эмиль. «Осада мельницы». Перевод с французского Е. Густа. Гослитиздат, 1941, 58 стр.